

Сердце Цзян Шоуяня вдруг забилося быстрее. Какое-то невыразимое чувство, словно поднимающиеся со дна пузырьки, начало его переполнять, вызывая грусть, ожидание и в то же время лёгкую тревогу. Он неотрывно смотрел на сообщение в WeChat, а затем, подняв взгляд, увидел своё отражение в тёмном экране телевизора: бледное лицо, жуткая худоба, скрывающие уши и глаза отросшие волосы. Вид у него был совершенно безжизненный, измождённый и откровенно больной.

Как бы он ни хотел это отрицать, сейчас приходилось признать, насколько ужасно он жил в последнее время — у него не находилось смелости даже на то, чтобы ответить на это сообщение. Он не мог ни согласиться, ни ответить прямым отказом. Его пальцы надолго зависли над экраном телефона, но он так и не смог придумать подходящего предложения, чтобы выкрутиться. Казалось бы, сущий пустяк: нет ничего сложного в том, чтобы просто напечатать: «Не сто́ит». Но для Цзян Шоуяня это было невероятно тяжело. Эти слова словно высились перед ним непреодолимой горой, на которую нужно было сперва взобраться, чтобы произнести. Но взобраться на неё он не мог.

Это искажённое восприятие реальности начало вызывать у него беспокойство, дыхание стало сбивчивым. Ему даже захотелось вдребезги разбить телефон, лишь бы не сталкиваться с этой дилеммой.

Собеседник, похоже, и не подозревал о его душевных терзаниях. Заметив, что ответа всё нет, он просто дописал ещё пару строк:

«Я только посмотрю на стену. Помогу прикинуть, куда лучше повесить кемпинговый фонарь».

Глядя на эти две строчки, Цзян Шоуянь вдруг с облегчением выдохнул.

«Хватит пары минут. Можно?»

Цзян Шоуянь поднялся, обошёл журнальный столик и сел напротив дивана. Зажав большим пальцем фронтальную камеру, он набрал видеовызов. Пока шло соединение, он переключил камеру на основную и, лишь убедившись, что на экране отображается стена за диваном, медленно убрал палец с объектива. До этого Чэн Цзайе отвечал на сообщения молниеносно, но на звонок почему-то отвечать не торопился.

Когда телефон наконец издал короткое «вжж», сердце Цзян Шоуяня на мгновение замерло. На экране появилось лицо Чэн Цзайе. Свет от стоящей рядом настольной лампы отражался в его глазах, заставляя их сиять, словно звёзды.

— У тебя там такое яркое солнце. — Чэн Цзайе посмотрел на солнечные лучи, падающие на диван, и потянул за рукав своей хлопковой кофты. — А я только что из душа, у нас уже вечер.

Цзян Шоуянь не знал, что сказать, поэтому лишь гнусаво промычал в ответ: «Угу». Этот тихий звук заставил сердце Чэн Цзайе болезненно сжаться. Он смотрел на пустой диван на видео, представляя себе сидящего там Цзян Шоуяня, и почувствовал, как к горлу подступает ком, а на глаза наворачиваются слёзы. Он поспешно переключил камеру, пытаясь унять дрожь в дыхании, и с телефоном в руке подошёл к панорамному окну.

— Смотри, это мост Золотые Ворота. Правда ведь очень похож на мост 25 Апреля в Лиссабоне?

Чэн Цзайе украдкой вытер уголок глаза. В тишине ночи из динамика раздался хриловатый голос Цзян Шоуяня:

— Очень похож.

Чэн Цзайе поморгал, заставил себя улыбнуться и снова переключил камеру на себя.

— И сколько бабочек ты собираешься туда приклеить?

Изображение несколько раз дёрнулось, скользнув от груди Чэн Цзайе к его подбородку. Возможно, из-за освещения, когда Цзян Шоуянь смотрел на него снизу вверх, глаза собеседника показались ему слегка покрасневшими. Но когда тот снова сел у настольной лампы и посмотрел прямо в камеру, всё опять выглядело совершенно нормально. Цзян Шоуянь почти с жадностью вглядывался в лицо на экране. Прошло несколько секунд, прежде чем до него дошло, что ему задали вопрос. Он передвинул телефон так, чтобы показать сложенных возле журнального столика бабочек, и ответил:

— Вот столько.

— Не так уж и много. Хватит на небольшую композицию.

Чэн Цзайе, подперев подбородок рукой, смотрел на вернувшийся в исходное положение кадр:

— Давай лучше приклеим их справа. Выдвижной кронштейн прибьем к стене рядом с диваном. Тогда тебе не придётся его двигать, а свисающая лампочка никому не будет мешать.

— Хорошо, — кивнул Цзян Шоуянь.

— Бабочек нужно будет приклеить вертикально, на термоклей. Но имей в виду, термоклей со стены потом очень сложно удалить без следов, так что будь осторожен при наклеивании. Не лепи их слишком плотно друг к другу, иначе будет некрасиво. Или можешь сначала наклеить обои, а бабочек уже на них. Если потом разонравится, будет проще просто сорвать обои.

— Не разонравится, — тихо отозвался Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе на мгновение опешил, а затем медленно улыбнулся:

— Не торопись. Делай понемногу каждый день, спешить некуда.

— Хорошо.

Полуденное солнце пекло слишком сильно. Цзян Шоуянь наполовину задёрнул тканевые шторы и теперь сидел в мягком, приглушённом свете. Время их ежедневных дежурных приветствий уже прошло, но Чэн Цзайе всё же спросил, глядя на диван в экране:

— Ты уже поел?

Из-за кадра раздалось ленивое: «Поел». Как будто какое-то существо робко высунуло усики из панциря, чтобы исследовать окружающий мир.

— И что ел? — поинтересовался Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь подтянул к себе колени, чувствуя себя весьма расслабленным:

— Рыбу. Ел дома у Ци Чжоу, мы с ним живём в одном подъезде на разных этажах.

— Как здорово, — отозвался Чэн Цзайе.

— Угу. А ты? — спросил Цзян Шоуянь. — Что ты ел сегодня?

— Да так, перекусил кое-чем в отеле, — Чэн Цзайе взъерошил свои полусухие волосы. — За границей не особо чувствуется атмосфера праздника. Но на каждый Новый год я возвращаюсь домой к родителям. У нас большая семья, много друзей. Мы собираемся в старом родительском доме, там всегда очень шумно и весело. — На этих словах Чэн Цзайе вдруг сделал паузу и, пристально глядя в экран, очень серьёзно спросил: — Когда я приеду... мы сможем увидеться?

Цзян Шоуянь был не в силах ему отказать. Повесив трубку, он взглянул на календарь, а затем опустил взгляд, осматривая себя. Есть ещё пара месяцев... должно же стать лучше, правда?

На создание стены с бабочками у Цзян Шоуяня ушло пять дней. Иногда, если не спалось, он раскачивал лампочку и смотрел, как бабочки на стене машут крыльями, мысленно возвращаясь в тот деревянный домик на острове Сан-Мигел.

В безмолвном свете, падающем на уголки его глаз, лелея в душе воспоминания о жарком лете, он сворачивался калачиком на диване и постепенно проваливался в сон. Последние несколько дней Цзян Шоуянь чувствовал себя умиротворённым. Даже мысль о выходе из дома больше не вызывала в нём отторжения. Прислушиваясь к своим эмоциям, он старался наладить режим дня и в итоге даже смог сам приготовить еду, а затем сел на метро и отвёз её Ци Чжоу.

Сначала, получив от Цзян Шоуяня сообщение в WeChat: «Я завтра принесу тебе поесть», Ци Чжоу мысленно приготовился к тому, что на следующий день ему всё равно придётся питаться в больничной столовой. Он никак не ожидал, что Цзян Шоуянь действительно привезёт еду, да ещё и начнёт делать это каждый день.

На четвёртый или пятый день этого подвига Цзян Шоуяня Ци Чжоу, держа в руках контейнер с едой, несколько раз окинул друга взглядом и спросил:

— Ты вообще в норме?

Цзян Шоуянь немного подумал, кивнул и ответил:

— Вроде бы да.

— Может, пройдёшь повторное обследование или запишешься на психологическую консультацию? — предложил Ци Чжоу.

Цзян Шоуянь покачал головой:

— Я думаю, мне уже не так плохо. Наверное, в этом нет необходимости.

Ци Чжоу хотел сказать что-то ещё, но Цзян Шоуянь не желал его слушать. Он поднялся, взял брошенную на стул лёгкую куртку и бросил:

— Я пошёл. Не забудь помыть контейнер, прежде чем вернуть.

В последние дни резко похолодало, и Цзян Шоуянь чувствовал, что его мозг не поспевает за падением температуры: мысли стали какими-то пустыми и эфемерными. Выйдя из метро, он увидел закреплённые на фонарных столбах государственные флаги и с запозданием осознал, что уже наступил День образования КНР, а затем вспомнил, что Ци Чжоу в свои семидневные выходные умудрился взять ещё три рабочие смены.

Стоя на пронизывающем ветру, он едва заметно усмехнулся и неспешным шагом побрёл домой. Возможно, всё дело было в жутком холоде, а возможно — в слишком уж упорядоченной жизни последних дней. Эта рутина сама по себе являлась формой сознательного подавления эмоций, которое, достигнув предела, неизбежно вело к новому срыву.

Поначалу Цзян Шоуянь этого не осознал. Он лишь почувствовал лёгкую усталость, прилёг на диван и уснул. Сон оказался долгим — когда он проснулся, за окном уже стемнело. Он почувствовал сильный голод, но готовить не хотелось, поэтому он вскрыл упаковку маленьких булочек, купленных на завтрак. В упаковке было двадцать четыре штуки. Когда он наконец пришёл в себя, внутри осталось всего две, а весь журнальный столик перед ним был усыпан разорванными обёртками.

Цзян Шоуянь в темноте ошеломлённо замер. В следующую секунду к горлу подкатил сильнейший приступ тошноты. Он бросился в ванную, рухнул на колени, и его начало безудержно, до потемнения в глазах рвать. Корчась от обжигающих спазмов, Цзян Шоуянь сквозь пелену в голове осознал одну простую вещь: на самом деле все эти дни ему ни капельки не было радостно. Эта квартира была пронизана памятью о его бабушке. Воспоминания проникали в каждую щель и подобно приливу обрушивались на него при случайном повороте головы, а затем, прежде чем он успевал протянуть к ним руку, превращались в ледящий душу траурный портрет. Боль держала его взаперти, словно в клетке, давя так сильно, что он едва мог дышать.

Когда Цзян Шоуянь вновь обрёл способность соображать, он обнаружил, что уже вышел из дома и дошёл до того самого места, где его бабушка бросилась в реку. Он опустил взгляд. Пару дней назад шли дожди, и теперь река неслась куда стремительнее, чем раньше. Внезапно над самым ухом раздался осторожный голос:

— Здравствуйте.

Цзян Шоуянь повернул голову, но не поднял глаз. Козырёк кепки закрывал обзор, поэтому он увидел лишь пару бледных чистых рук, державших два рекламных флаера.

— Не интересуетесь татуировками? — Девушка подсунула ему листовку прямо под нос.

Цзян Шоюаня соображал туго: он даже не задумался о том, насколько странно то, что девушка из тату-салона раздаёт флаеры так поздно вечером на совершенно безлюдном мосту. Он лишь услышал собственный голос, задавший вопрос:

— Это больно?

Девушка на мгновение опешила, но ответила:

— Смотря где бить. На некоторых местах не так уж и больно. Может, зайдёте к нам в салон, посмотрите? Здесь слишком холодно, а мы совсем рядом — вон там.

На самом деле девушка просто хотела отвести его от воды. В праздники все разъехались отдыхать, клиентов не было, и они уже собирались закрываться. Но, убирая вещи, она заметила мужчину в чёрном, надвинувшего на глаза кепку, который целенаправленно шёл к мосту. Все местные знали, что на этом мосту часто случались трагедии. Испугавшись за него, девушка схватила пару флаеров и поспешила следом. Кто бы мог подумать, что этот мужчина, посидев некоторое время в тишине со стаканом горячей воды в руках, действительно начнёт расспрашивать о татуировках.

— Можно набить всё что угодно? — спросил Цзян Шоюань.

— Да, — кивнула девушка. — Нужно знать, есть ли у вас референс. Если нет, мы можем разработать эскиз сами.

Мужчина опустил голову, некоторое время ковырялся в телефоне, а затем повернул экран к ней:

— Вот это можно набить? Крупно.

Девушка пригляделась: это была фотография заката со слегка странными пропорциями, словно от оригинального снимка просто отрезали часть.

— Сделать-то можно, но вам нужно хорошенько подумать, — ответила она. — Татуировка такого масштаба займёт много времени, сегодня точно не управимся. К тому же, если вы хоть немного поправитесь, рисунок деформируется.

Цзян Шоуянь снова опустил голову и надолго замолчал. В воздухе повисла тяжёлая тишина, от которой стало как-то не по себе. Девушка лихорадочно соображала, что бы ещё сказать, когда Цзян Шоуянь внезапно поднял взгляд. В полутьме его глаза казались абсолютно чёрными и какими-то безжизненными:

— А можно набить бабочку?

— Можно, — на этот раз она ответила без запинки. — А какую бабочку вы хотите?

— Зелёную перламутровую нимфалиду, — ответил Цзян Шоуянь.

Бабочки — весьма распространённый мотив для татуировок. Девушка поискала фотографии в

интернете и вскоре набросала эскиз на планшете.

— Такой вариант подойдёт?

Цзян Шоуянь, сидевший у окна и безучастно смотревший в ночную темноту, на звук повернул голову. На самом деле его совершенно не волновали очертания бабочки. Он просто хотел заглушить одну боль другой.

— Подойдёт.

В итоге эту бабочку решили набить на нижней части живота Цзян Шоуяня.

Девушка, возясь с машинкой, уселась рядом с ним. Надела латексные перчатки и тщательно продезинфицировала всё спиртом. Цзян Шоуянь лежал на кушетке. Он не стал снимать бейсболку низко надвинув козырёк, чтобы избежать зрительного контакта.

Девушка взглянула на него и, опустив голову, произнесла:

— Я начинаю.

У неё была очень лёгкая рука, но как бы мягко ни входила игла под кожу, боль всё равно чувствовалась. Цзян Шоуянь едва заметно нахмурился. Девушке, судя по всему, не слишком нравилась подобная гнетущая тишина. Она долго терпела, но в конце концов не выдержала и решила завязать разговор.

— А почему вы изначально захотели набить закат? Масштабные работы очень сложные, и многие люди потом жалеют об этом. В нём кроется какой-то особый смысл?

Цзян Шоуянь внезапно вскинул голову, и только сейчас девушка смогла как следует разглядеть его глаза. Возможно, из-за боли слегка приподнятые уголки его глаз чуть-чуть покраснели. Она услышала, как он произнёс:

— Потому что на той фотографии была чайка. Она мне очень понравилась.

<http://bllate.org/book/14908/1607901>